

ОТЗЫВ
председателя диссертационного совета
о диссертации **Мансура Мохаммеда Хассана Сямани**
на тему: «**Фразеологизмы-эвфемизмы русского языка на фоне арабского:
лингвокультурологический аспект**
(тематическая группа «социальные пороки»),
представленной
на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.02.01. – Русский язык

Для лингвистического описания иносказание любой онтологии – тема поистине неисчерпаемая: pragmaticкие основания, сферы распространения, коммуникативная функция и способы организации «окольной» речи – все эти (и другие) вопросы неоднократно становились предметом исследования лингвистов.

В ряду подобных языковых феноменов эвфемия занимает весьма заметное место: число работ, посвященных различным аспектам «корректного и завуалированного речевого поведения»¹, довольно велико, о чем свидетельствует, например, обобщающая статья И.Н. Никитиной «Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспективы изучения»² (2009), в которой приведены различные по времени, географии и аспектам исследовательского интереса способы научной интерпретации этой языковой универсалии. При этом та же И.Н. Никитина в другой своей статье замечает: «До сих пор не существует общепринятых критериев в определении данного явления, нет единого понимания границ эвфемии, классификации способов эвфемизации»³.

В контексте сказанного представленная к рассмотрению диссертация Мансура Мохаммеда Хассана Сямани, посвященная изучению

¹ Обвинцева О.В. Эвфемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским): дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2003. С. 14.

² Никитина И.Н. Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспективы изучения // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2009 / <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemiya-v-zarubezhnoy-i-otechestvennoy-lingvistike-istoriya-voprosa-i-perspektiva-issledovaniya> [02.09.2020].

³ Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в контексте разных языков // Изв. Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. №4(6). С. 1580.

фразеологизмов-эвфемизмов русского языка на фоне арабского, приобретает отчетливые признаки научно мотивированного и, как следствие, – **актуального** диссертационного сочинения.

Необходимо также отметить, что сугубо лингвистическое предметное рассмотрение тематических блоков повсеместно осуждаемых (но, видимо, вечных) социальных явлений (воровство, взяточничество, проституция), неизбежно привносит в работу и культурное, и социальное, и – даже – юридическое звучание. Так, тема эвфемизации взяточничества в судебной лингвистической экспертизе (по вопросам, например, выявления вымогательства взятки) – чрезвычайно актуальна, и при кажущемся на первый взгляд прикладном характере этой проблемы, она требует глубокой теоретической проработки – как в определении состава существующих устойчивых речевых маркеров преступного деяния, так и в прогнозировании потенциально возможных⁴.

При определении новизны своего сочинения Мансур Мохаммед Хассан указывает, что «впервые в сопоставительном аспекте рассматриваются национально-культурные особенности фразеологических эвфемизмов русского и арабского языков» (с. 6). Действительно, несмотря на видимую (в последнее десятилетие) активизацию сопоставительных исследований об эвфемии в разных языках⁵, безусловно свидетельствующую о большом интересе ученых к феномену речевой дипломатии межкультурного и кросскультурного свойства, – исследований о фразеологизмах-эвфемизмах русского и арабского языков по данным тематическим блокам в научной литературе нет, по крайней мере они нам неизвестны. Поэтому квалификация

⁴ См. Бутакова Л. О. «Дело о вымогательстве»: использование прагматического описания коммуникативного события в экспертных целях // Юрислингвистика. 2012. №1; Козлов А.Е. Семантические и прагматические показатели маскировки в экономических целях // Лингвокультурология. 2016. <https://cyberleninka.ru/article/n>.

⁵ Напр.: Порохницкая Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке: на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков: дисс. ... докт. филол. наук. М.: МГЛУ, 2014; Мамушкина С.Ю. Междометные эвфемизмы в русском и английском языках // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. №4(13); Мадайени Авал А.Х., Сейед-Агаи Резаи М.Х. Заимствование как распространенный способ эвфемизации в русском и персидском языках // Акт. проблемы филологии и пед. лингвистики. 2017. №3 и др.

новизны диссертационной работы, данная ее автором, – по материалу и способам описания, прежде всего, – имеет под собой все основания.

Впечатляет серьезная и многоаспектная теоретическая часть диссертации, в которой, помимо теоретических вопросов, непосредственно связанных с темой исследования (природа эвфемии, возможные классификации эвфемизмов, эвфемистические функции фразеологизмов и др.), освещаются, и довольно подробно, вопросы, имеющие, как кажется, общий характер (2.1; 2.2) – понятие лингвокультурологии, определение её места в ряду смежных дисциплин, толкование базовых понятий и терминов лингвокультурологии, описание т.н. школ лингвокультурологии и под.

Конечно, заявленный лингвокультурологический аспект исследования требует серьезного погружения в методологию и терминологическую базу этого относительно нового в нашей лингвистике направления, однако в этой части диссертации ощущается явная информационная избыточность, с одной стороны, и очевидная её недостаточность, – с другой. Так обычно случается, когда автор пытается охватить широкий круг вопросов, часть из которых имеет опосредованное отношение к решаемой в работе конкретной исследовательской задаче. При этом та же – по воле автора – широта освещаемых общенаучных явлений, понятий, терминов (например, *культура*, *стереотип*, *прецедентный текст* и под.) неизбежно будет грешить недостаточностью: всегда найдется научный предмет, аспект или направление, которое забыто, не указано, хотя в ряду подобных себе, как кажется рецензенту, должно быть упомянуто обязательно.

В нашем случае не могу не заметить, что блестящая осведомленность Мансура Мохаммеда и его очевидный интерес к работам курских (А.Т. Хроленко), волгоградских (В.И. Карасик), кемеровских (Т.А. Демешкина), иркутских (В.А. Степаненко), воронежских (И.А. Стернин), московских (В.Н. Телия и др.) ученых почему-то не распространился на работы Владимира Викторовича Колесова, профессора кафедры русского языка СПбГУ, последние годы своей жизни посвятившего исследованию языковой

ментальности, по его убеждению, относящейся к разделам когнитивной лингвистики. Это добавление мне кажется принципиальным и необходимым во многих отношениях, но главным образом потому, что в кругу ученых, занимавшихся проблемами когнитивной природы языка, серьезно вовлеченных в дискуссию о культурных концептах и словах-символах русского языка, имя В.В. Колесова – более чем значительно. Замечу попутно, что знакомство со «Словарем русской ментальности» В.В. Колесова (СПб.: Златоуст, 2014) добавило бы Мансуру Мохаммеду глубокой лингвокультурной информации о *воре* и *воровстве*, о *блуде*, о *взятке* в системе культурных представлений русского человека (т. I. С. 52; 101; 129).

Практическая часть рецензируемой диссертации, на мой взгляд, представляет собой серьезное содержательное исследование основных фразеологических выражений, репрезентирующих в речи названные социальные пороки. Мансур Мохаммед справедливо замечает, что «эвфемистическая семантика ФЕ во многом зависит от культурного значения ключевого компонента» фразеологизма (с. 64), поэтому основу лингвокультурного комментария он строит на выявлении как его референтного значения, так и собственно культурного, применяя понятия «культурный стереотип», «культурный код», «архетип культуры» и др. Такой принцип анализа фразеологических эвфемизмов, по мнению автора, позволяет «выявить национально-культурные особенности фразеологических единиц», выступающих в эвфемистической функции (формулировка цели на с. 7). Следует признать, это очень верный исследовательский ход, и, как показала работа, целиком себя оправдавший.

Список русских источников фактического материала для исследования и иллюстраций – количественно многочислен и качественно разнообразен, причем как по времени (например, тексты XVIII века), так и по стилю – от современных газетных публикаций и фольклорных памятников до классических произведений XIX–XX вв. Такое широкое привлечение разножанровых и разновременных текстов вызывает большое уважение к

автору диссертационного сочинения, неносителю русского языка, для которого знакомство с русской литературной словесностью наверняка потребовало большого труда и усердия. То, что ему вполне удалось проникнуть в кодовые сферы русской речевой эвфемии, ярко свидетельствует исследовательская глава.

Родной для автора работы – арабский – языковой материал, уступающий количественно и выступающий фоном для освещения лингвокультурных особенностей русских фразеологических эвфемизмов, подобран безупречно: семантически точно, с позиций комментирования – достаточно и исчерпывающе. Примером в этом отношении может служить анализ прецедентных эвфемистических выражений о проституции из известных египетских кинофильмов, представленный на с. 123–124.

В связи с этим фрагментом работы у меня возник вопрос о различении терминов «стереотип» и «прецедентное выражение (/ фраза, высказывание)». Так, при анализе устойчивых фраз из кинофильмов Мансур Мохаммед Хассан называет их «стереотипными ФЭ» (с. 123), однако, думается, они более близки к понятию «прецедентные выражения». Возможно, путаницу вносит часто используемая в работе характеристика «ассоциация (ассоциироваться, ассоциируемый и др.)» для обозначения различного типа семантических связей конкретного эвфемизма с культурным символом или культурным архетипом: сп. «Популярные в русской культуре слова Верещагина, – а вернее сам персонаж, – ассоциируются со стереотипом⁶ взятки, шутливо и иронически смягчают обсуждение явления взятки» (с. 76); «Данный стереотип ассоциируется в массовом сознании с представлением <...>» (с. 79); «В приведенных ФЭ актуализируются ассоциативные элементы, связанные с женщиной – красота, соблазнение, сексуальное влечение и т. п.» (с. 111); «Стереотипными в арабской культуре являются и следующие ФЭ, ассоциирующиеся с названиями <...> (с. 123) и под.

---

⁶ Выделено мной – Т.С.

Вызывает вопрос и термин «паремиологический фразеологизм» (с. 84), не является ли он тавтологичным по содержанию, если под фразеологизмом понимается всякая устойчивая единица языка, в том числе фольклорные пословичные тексты, традиционно причисляемые к паремиям?

Важно заметить, что наш соискатель сразу очертил круг выражений, подпадающих, по его мнению, под широкую квалификацию «фразеологизм», взяв на вооружение основной его признак – «целостную воспроизведимость» (с. 8). Это замечание уже потому необходимо, что привлеченные в качестве предметного исследования русские устойчивые сочетания – очень неоднородны по составу, стилю, происхождению и т.д., они в разной степени обусловлены той глубинной национально-культурной семантикой, которую ищет автор работы и которую обозначает в качестве её конечной цели. Так, говоря об эвфемизмах-фразеологизмах, репрезентирующих взятку, Мансур Мохаммед в числе других приводит выражение «жене на сапоги», полагая, что компонент «сапоги» сохранил старое представление о состоятельности его владельца, сохранившееся в ряде фольклорных пословичных выражений. Однако заметим, что речь здесь идет о женской обуви, а *сапоги* как эквивалент богатства – обувь преимущественно мужская; женщины в сказках, песнях, частушках если и обуваются, то только в *сапожки* (*Шиты золотом сапожки русские ...*). «Жене» + винительный цели «на сапоги» – устойчивая синтаксическая структура со значением ‘дать / подарить / заработать *ets.* деньги с целью приобрести кому-л. что-л.’.

Эта конструкция, по данным НКРЯ, имеет довольно широкие возможности в лексическом наполнении (*детям на орехи; молодоженам на свадьбу; сыну на машину и под.*), поэтому формальное сходство с эвфемизмом «детишкам на молочишко» вполне объяснимо. Это выражение, как кажется, имеет весьма отдаленное отношение к тем самым «сапогам», в которые «если войдешь, то ‘попадешь в благоприятную обстановку’» (с. 78). «Женские сапоги» – реалия, скорее всего, советского быта, вожделенная покупка советской женщины. Неслучайно в 90-е годы XX в. в рекламе

финансовой пирамиды АО «МММ» персонаж по имени Леня Голубков в качестве желанной цели денежного вклада твердил о том, что копит деньги «жене на сапоги». Затем этот слоган неоднократно повторялся в популярных передачах и рекламных роликах, став неким речевым прецедентом и знаком своего времени (*А у стенда про историю финансовых пирамид персонаж Сергея Мавроди напомнил, как можно без труда заработать жене на сапоги*⁷). В этом качестве вряд ли можно квалифицировать выражение «жене не сапоги» фразеологизмом, даже в широком смысле.

В разделе о воровстве наш соискатель высказывает следующее предположение: «В народном сознании закреплено представление о том, что у портных есть привычка воровать материал, утаивать его остатки и на этом зарабатывать» (с. 95). В качестве «доказательства», помимо ряда пословиц из собрания В.И. Даля, приводятся фрагменты из басни Д.И. Фонвизина «Портной и обезьяна» (1764), в которой действительно говорится о вороватости портного. Однако, мне думается, предпочтительнее в данном случае было бы сослаться на тексты русских бытовых сказок, персонажный состав которых весьма богат и включает представителей почти всех традиционных ремесел. Из 677 текстов таких сказок в собрании Ю.Г. Круглова⁸ только две из них о портном или – иначе – о швеце, причем типологической его чертой является не вороватость, а хитрость и ум.

По свидетельству фольклористов, представление о вороватости портных – довольно поздний мотив (не ранее XVII в.), возможно, заимствованный из западных, польско-украинско-белорусских, фольклорных сюжетов, отметившихся преимущественно в русском пословичном фонде: «Нет воров супротив портных мастеров»; «Им только мерку снять да задаток взять»⁹.

7

⁷ <http://derbo.ru/publications/pro-dengi-i-ne-tolko-v-belgorode-proshel-festival> [02.09.2020].

⁸ Сказки: Книга 3: Социально-бытовые сказки / Сост. Ю.Г. Круглов. М., 1989 (Библиотека русского фольклора).

⁹ Максимов С. В. Собр. соч.: В 22 т. СПб., 1909. Т. 13, ч. 1.С. 52–53.

Приведенные (здесь) рассуждения, рекомендации, какие-то частные замечания – свидетельство того, что диссертация Мансура Мохаммеда Хассана безусловно состоялась, что она имеет очевидные достоинства и явные исследовательские перспективы. В ней много интересных наблюдений, серьезных замечаний, например, о стилистической синонимии ряда ФЭ, неизбежной в конкретных коммуникативных условиях, об эвфемистическом потенциале фразеологизмов, о прагматических и эстетических функциях эвфемизмов-фразеологизмов. Следует отдельно отметить замечательный стиль изложения, умение автора аргументировано, логично и ясно оформлять свои мысли на русском научном языке.

Сказанное ясно свидетельствует о том, что диссертация Мансура Мохаммеда Хассана Саммани на тему: «Фразеологизмы-эвфемизмы русского языка на фоне арабского: лингвокультурологический аспект (тематическая группа “социальные пороки”)», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Мансур Мохаммед Хассан Саммани заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01. – Русский язык.

Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Председатель диссертационного совета –
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка СПбГУ

Т.С. Садова

11 сентября 2020 г.